

Денис Олякин
**А В ДОМЕ КТО-ТО ЕСТЬ,
ХОТЬ НИКОГО НЕТ ДОМА**

Денис Опякин

**А в доме кто-то есть, хоть
никого нет дома (сборник)**

Издательский дом «Сказочная дорога»

2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Опякин Д. В.

А в доме кто-то есть, хоть никого нет дома (сборник) /
Д. В. Опякин — Издательский дом «Сказочная дорога», 2016

ISBN 978-5-4329-0089-0

В миниатюрах Дениса Опякина удивляет и поражает необычный, полный иронии и юмора, порой парадоксальный взгляд на самые разные вещи, людей и события. Родившийся в Архангельске, адвокат по профессии, он работал в Генеральной прокуратуре Российской Федерации и по роду своей деятельности объехал весь Северный Кавказ. Все это нашло отражение в его литературном творчестве. Оригинальность его рассказов, без претензий на оригинальность, привлекает читателя. Они – о дне сегодняшнем, про нас и о нас.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4329-0089-0

© Опякин Д. В., 2016
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2016

Содержание

Могу я сыну сказку рассказать	6
Дед	6
Льдинка	8
Всякая всячина	10
Бредятинки[4]	10
Боец	12
Да уж	14
Записки адвоката Коньякина	15
Светоч	15
Дядя	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Денис Опякин

А в доме кто-то есть, хоть никого нет дома

© Опякин Д. В., 2016

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2016

Могу я сыну сказку рассказать

Автобиографические заметки

Дед

Последние дня три меня мучает один и тот же сон. Как будто собрались с ребятами на восьмидесятилетие поселковой школы.

Приехали не то чтобы все, но почти все. Кого-то сразу узнал, кого-то – нет. Сидим, рассказываем друг другу что-то, смеёмся. И вдруг классный руководитель обращается ко мне:

– Денис, а в каком году твой дедушка умер?

Причём здесь, думаю, дед? Начинаю что-то бубнить.

Краснею. А кругом – тишина. И такое ощущение, что все смотрят только на меня.

– Денис, не молчи, отвечай. Ты же руку тянул.

«Руку. Какую руку?»

– Денис, глухой, что ли?

Встаю, оглядываюсь. Выхожу к доске. Ноги дрожат, язык заплетается.

– Мой дед... Вы знаете, мой дедушка... Он...

И тут к горлу подкатывает комок, наворачиваются слёзы, и рождается буквально следующее.

– Вы знаете, Лидия Николаевна, я не помню, когда умер мой дед. Честно. Это было на втором или третьем курсе института. Я вернулся после двух «пар». Отец обедал. Я разделся, прошёл на кухню. И вдруг отец как бы мимоходом говорит: «Денис, дед вчера умер». Это было 22 или 23 февраля. Год не могу вспомнить. Зато помню, как он однажды забрал меня из детского сада. По дороге домой мы купили в магазине папирос «Беломорканал», и дед ворчал всю дорогу, что десяти пачек может не хватить. Сели на теплоход. Переплыли речку. Потом долго шли по мосткам. Я падал. Дед поднимал меня и каждый раз говорил, какой я неуклюжий. У дома нас встретила бабушка. Мы помыли руки и сели обедать. Потом я пошёл гулять. Дед выходил на крыльцо и смотрел, как я вожусь в песочнице. Ещё помню, как мы ходили с ним на празднование Дня Победы. Дед надел свой любимый костюм, кепку.

Бабульки кричали ему:

– Эй, Василий, а это кто?

– Внук.

– Старший или младший?

– Старший.

– Голова какая большая. Наверное, умный будет.

Штанишки были коротковаты и натирали чуть ниже коленок, но я терпел.

Народу на площади было много. Ребята прыгали, смеялись. Кругом носились шары, флаги. Вдруг какой-то мужик взял меня на руки и говорит:

– А ну, малец, пойдём, поздравим ветеранов.

Дед как-то сразу сдался, без боя.

Мужик поднялся со мной на трибуну и сказал:

– А теперь, уважаемые ветераны, вас поздравит самый маленький участник парада.

Я тужился, тужился, а потом как закричу:

– Пра-здра-вляю!

– Вот молодец, – сказал мужик. – Хороший у тебя парень растёт, Василий.

Помню, как я бежал мимо той же трибуны и кричал, что у тётки Оли рак. Думал, что это что-то хорошее, и спешил первым рассказать об этом маме. А дед брёл где-то позади... Ещё помню, как ехал с тренировки в троллейбусе. Вонючка жуткая. Вот, думаю, бомжатник. Потом присматриваюсь, а это дед в старой фуфайке на задней площадке стоит. Я вышел на остановку раньше. Прихожу домой. А он с мамой на кухне пельмени ест. И на душе так хреново. Захотелось сразу же состояться, в люди выйти. Заработать много денег и поехать с ним в Калугу. На его родину. Но...

И вот сейчас я при деле, и деньги есть, а деда уже лет тринадцать как нет с нами. Хороший был мужик. Настоящий. А я даже год его смерти вспомнить не могу.

Май 2010 года

Льдинка

Напряжение росло. Поход жены по магазинам затянулся минут на сорок. Сын уже дважды выбежал из комнаты и просил с ним поиграть. «Амкар»¹ повёл 1:0. Рахимов² спокоен. Бердыев³ нервно перебирает чётки.

Шло компенсированное время.

– Папа, папочка, ну поиграй со мной.

Сын залезает на колени и загораживает экран.

«Что за черт! Ну где её носит? Ребёнку скучно, а она...»

– Сейчас, Вова. Подожди. Футбол закончится, и пойдём играть.

Свисток арбитра.

– Вот идиоты! Уже «Амкар» обыграть не можем.

– Папочка, ну пойдём.

– Куда пойдём? *(Со злостью)*

– Играть.

– Хорошо, пойдём. Во что будем играть?

– Давай дорогу строить.

– Дорогу долго. Давай я тебе почитаю. Или ты спать хочешь?

– Не хочу. Расскажи мне сказку.

– Какую?

– Про льдинку. Мама мне про льдинку обещала рассказать.

– Вот мама придёт и расскажет.

– Папочка, ну, пожалуйста.

– Хорошо. Слушай. Жила-была льдинка. Она была очень маленькая, но очень твёрдая.

– А почему?

– Потому что много путешествовала.

– Она, что, никого не боялась?

– Никого.

– Нет, папа, льдинки боятся тепла. Они могут растаять.

– Не перебивай папу. Слушай. И вот плывёт она мимо Ростова. Льдинка очень устала и решила зайти к папе Денису в гости.

– А к Вове?

– И к Вове.

– А зачем?

– Она везла папе пирожки, которые ему послала бабушка Ира.

– Наша Ира?

– Конечно, наша.

– А дальше?

– Но папы не было дома. Он ушёл на работу.

– А Вова?

– А Вова ещё спал и не слышал, как льдинка стучалась в дверь.

– А мама?

– А мама ушла в магазин.

Открывается дверь.

¹ Российский футбольный клуб.

² Главный тренер футбольного клуба «Амкар».

³ Главный тренер футбольного клуба «Рубин».

– А вот и мама.

– Аня, ну где ты ходишь?! Мало того, что «Рубин» проиграл, так ещё ребёнок капризничает. Он, кажется, спать хочет.

– Он у тебя всегда спать хочет. Я же сказала, что ещё в аптеку зайду. Ты же вчера ничего не купил.

– Мама, давай поиграем.

– Вовочка, давай сначала покушаем, а потом я тебе почитаю.

– Хорошо. А папа мне про льдинку рассказал.

– Про льдинку? Ты, что, ему сказки рассказывал? – обращается ко мне.

– А что, я своему сыну уже сказку не могу рассказать?

– Хорошо-хорошо. Молодец. Вова, садись. Сейчас кушать будем.

Май 2010 года

Всякая всячина

Бредятинки⁴

Еще одна бессонная ночь. Ночь ярких огней, громкой музыки и откровенных танцев. Я опять развлекаю сам себя. Все еще на что-то надеюсь, хотя давно уяснил, что все окружающее лишь отголосок моего же воображения. Я давно уже ничему не удивляюсь. Удивляться можно только тому, чего не можешь объяснить. А чего я еще не смог объяснить?

Пожалуй, всё. Всё, что интересовало в разное время. Не пора ли занять место Гагарина?! Кто знает, что у него было в той ракете. Наверное, чего только не было. А может быть, он все еще в космосе и ждет следующего смельчака. Представляю, сидит он сейчас в лунном кратере и подглядывает за американцами, что гонят из гравия воду. Вот потеха! А президент, зная какой у него парень на орбите, втирает всему остальному миру очки про инкубаторы для одаренной молодежи.

Одним словом, политика. Большой ее, конечно, не назовешь. Малой, пожалуй, тоже. В политике ведь как в спорте. Кто-то давно играет за профессионалов и получает сумасшедшие деньги, а кто-то все еще, несмотря на воз-раст, мучается в любителях и замирает перед телевизором при первых звуках гимна Лиги чемпионов⁵. Хотя какая она к черту Лига чемпионов, если от одной страны по четыре команды попадают в основной турнир. Вот раньше! Раньше была настоящая Лига. Лига победителей национальных первенств. Вдули, к примеру, мальтийской «Слиме»⁶ 5:0, и та знала, где её место. А сейчас? Сейчас у команд-карликов ни единого шанса не то что взобраться на вершину, а даже взглянуть на нее. Так, варясь в собственном соку, и зарваться недолго. И здесь, как вы понимаете, я совсем не о спорте, а о надкусанном галстуке⁷. Не вдувал никто парню, вот он и решил, что ему все позволено. Да, политика – это спорт. А какая проблема в спорте сегодня самая актуальная? Правильно. Проблема употребления допинга. Пройдет совсем немного времени, и мы у игроков в шашки пробы начнем брать. Нашлись же умники в оргкомитете. Дескать, за чистоту рядов. И где она, эта чистота? Состоялся, допустим, финал забега на 100 метров. Из восьми участников шесть принимали допинг. В итоге пятый стал первым, а седьмой увез домой серебро и бронзу. И хорошо еще, если сразу вскрылось. А если через год или годы? Как быть? Кажется, мы и рады бы боготворить спортсменов, но после всего случившегося перестали сопереживать, перестали верить, а это страшно. Кому такой спорт нужен? В политике – то же самое. Где-то ЧП – мы насторожились. Пускай водичка отстоится. Посмотрим, что на следующий день скажут, а лучше – через неделю. Отдельные личности и вовсе режут по живому: «Опять, уроды, мозги засирают».

Разбойное нападение в одном из управлений Следственного комитета. Сенсация! Все телеканалы трубят об этой новости. А официальное лицо с экрана твердит лишь одно: «Разбойники похитили только телевизор». Да это и понятно. Ведь телевидение – тот же допинг. Только допинг политический. Без него бы мы не пережили финансовый кризис. Не было бы «Татьянинного дня»⁸ (4) на Первом канале – мы бы давно на вилы подняли чиновников и работодателей. А смотришь, что и у них голова заботами полна, заботами о простом человеке, и как-то легче на душе. Спокойнее. Представляю, как бы заерзала государственная машина, если бы

⁴ Миниатюра опубликована в журнале «Гений» (Махачкала), № 6, 2012 год.

⁵ Главный европейский футбольный турнир.

⁶ Футбольный клуб.

⁷ Случай с президентом Грузии Михаилом Саакашвили.

⁸ Популярный российский сериал.

мы разом отказались от просмотра телевизора. Она тебе про конец Света или сифилис морских котиков, а ты ее к черту по сетям Рунета. Она – тебе, а ты – ей. Хотя кто знает, может быть, эта самая машина специально загоняет нас во Всемирную паутину как в угол. Быть может, скоро мы совсем перестанем вживую общаться, а будем только переписываться и перестукиваться. И раскрыл бы замысел, но нет его, потому что машина неуправляема...

Сентябрь 2010 года

Боец

Дед Василий третью неделю собирался на войну. Если поначалу эту новость еще хоть как-то обсуждали в семье, то на пятые сутки на старика просто-напросто перестали обращать внимание. Собирается и собирается. Что им, консервов с крупой жалко?

Неопределенность во взглядах партийных лидеров, вперемежку с безразличием близких, тяготила деда.

Сказав «А», отступить было поздно. Что или кто мог его удержать?

Дров в огонь подбрасывал муж внучки:

– Дед, у тебя до Донецка прямой или с пересадками? Да, и смотри, наградной на границе не вырони, а то отберут.

Терпеть оскорбления сил уже не было. Хотя в чем-то дед был виноват сам. Состарившись, Василий прощал молодым практически все, вплоть до оскорблений. Единственное, на что старика хватало, – это слать вслед уходящей на работу внучке всякие безобидные, на первый взгляд, проклятия.

Хотя, нет. Было еще одно обстоятельство, которое несколько ободряло деда, – это его долголетие.

В глубине души, быть может, даже не осознавая всю омерзительность происходящего, дед радовался тому, что у его дочери – астма, у зятя – тромбы, а у мужа внучки – ожирение.

Да, дед мечтал их пережить. Пережить всех. И они чувствовали это. Чувствовали, но продолжали его любить. Каждый по-своему.

Единственный, кто в силу возраста сохранял в этой ситуации нейтралитет, – правнук. Для паренька Василий был как инопланетянин.

В жизни мальчика он также внезапно появлялся, как и исчезал. Именно в правнука, как в самое слабое место семьи Егоровых, и решил сегодня ударить дед.

– Вот так, Володейка, война! Война, будь она не ладна, – кряхтел старик, подсаживаясь к мальцу на диван.

– Дедушка, а папа сказал, когда ты уйдешь на войну, он перенесет мою кровать в твою комнату. Кровать и игрушки.

– А ты хочешь, чтобы я ушел?

– Ты же сам сказал, что пойдешь.

– Сказал (*небольшая пауза*). Сказал, а сам думаю: а как же мой Володенька будет без своего любимого дедушки?

– Не знаю. Мама с папой что-нибудь придумают.

– Что придумают? (*Удивленно.*)

– Что-нибудь.

– А что тут можно придумать?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю (*задумчиво*).

Внучка (*с кухни*). Дед, ты ужинал?

Дед. Не помню (*еле слышно*).

Внучка. Иди, поешь. Поешь, пока горячее. Рюкзак я твой обратно в шкаф убрала. Завтра соберешься на войну, снова достанешь.

Дед. Хорошо (*растерянно*).

Внучка. Я там у тебя одну банку тунца выложила. С картошкой приготовила.

...Сажу и думаю. И чего старик мается? Нормальная ведь семья. Какая война к чертям собачьим! Мать вон говорит, в магазинах краски для волос нет, и цена на гречку опять вверх поползла.

Перебесится старая гвардия. Перебесится...

Январь-февраль 2015 года

Да уж

Три сотни объявлений и ни одного подходящего варианта. Можно представить, у нас не захолустье, а мегаполис какой-то. Страшно подумать. Одношка – миллион девятьсот! И это вторичка на окраине. Жена, видя, что меня уже начинает потряхивать от соседства с ее бабкой, заговорила об ипотеке. Ипотека... Как говорил мой начальник: «Ипотека – это первый шаг к бессмертию!» А я не хочу жить вечно. Прикинул переплату – волосы дыбом. На эти деньги можно «трешку» в центре купить. А что, если со мной что-то случится? Что будет с женой и детьми? Не нужно быть астрологом. Мне тридцать пять. Срок кредита – двадцать пять лет. Средняя продолжительность жизни мужика в России пятьдесят девять лет. Получается, последний год жена одна будет тянуть это ярмо. Хорошо еще, если из детей что-то толковое получится. Хотя одного этого мало. Будут ли помогать в старости? А то бросят доживать, и тяни, как знаешь. Одна надежда, что бабка скоро умрет. Хотя смотрю я на нее – лет пятнадцать еще нервы помотает. Крепенькая. С характером. Даже как-то не по себе. Подумать только. Я к тому времени разменяю шестой десяток. Шестой! И только жена со своими причитаниями:

– Понимаешь, она меня в садик и школу водила, с ребятами помогала нянчиться (пауза). Ты просто ее не любишь. Не любишь, и она это чувствует.

– Да, не люблю. Не люблю и ничего не могу с собой поделать. Но в отличие от нее я публично не выражаю свою неприязнь. Тебе было бы приятно день да через день слышать в спину – «козлина безрогая».

– Она думает, что ты ее не слышишь.

– Вот только не надо мне!.. Все она знает. Знает, что ты не даешь мне ее одергивать. Вот и пользуется.

– Так скажи ей.

– Что сказать?

– Перестаньте меня обзывать, Екатерина Петровна.

– И что изменится?

– Ничего. Она же видит, что ты мне не помогаешь. Сидишь дома, ничего не делаешь.

– Я правильно понял? Ты обвиняешь меня в чем-то? Ты хочешь, чтобы я по улицам шатался, что ли? У меня работа такая. Сегодня есть дела, завтра – нет.

– У тебя офис. Сиди на работе. Не мозоль старухе глаза. А то уже все родственники считают тебя тунеядцем.

– А ты с ними согласна?!

– Нет.

– Тогда какого черта наезжаешь?

– Извини.

– Давай, ты еще бунт устрой (пауза).

– Может быть, нам снимать квартиру?

– А смысл? Аренда – тот же аннуитетный платеж.

– Тогда давай ипотеку (пауза). Чем мы хуже Шваревых? Ты уж как-нибудь, дорогой, поживи подольше.

– Поживешь с вами (пауза). Ладно. Завтра схожу в банк. Узнаю.

– Ты только на бабушку не обижайся. Она просто старенькая.

– Да ну ее!.. Не напоминай лучше.

– Поверь, она тебя тоже любит. Любит, только по-своему (пауза). Наверное.

– Да уж.

2 мая 2014 года

Записки адвоката Коньякина

Светоч

Каждый день должен приносить копейку. Каждый. Хорошо, когда ты на государственной службе. Копейка сама капает. А раскладываешь ты пасьянс или бороздишь Интернет – никого не волнует.

Другое дело, когда работаешь сам на себя. Хочешь не хочешь, а приходится крутиться. Я адвокат. Не плохой, не хороший. Звезд с неба не хватаю, но и в хвосте не плетусь.

Январь. Относительное затишье. До зарплаты почти месяц. Люди после праздников, как сонные мухи. Вроде бы за грабеж мужика привлекают, так сказать – взяли за ж. пу, а он сидит – сопли на кулак наматывает.

– И что вы мне посоветуете?

– Вину признаете?

– Признаю.

– С потерпевшим знакомы?

– Знаком.

– Извинения ему принесли?

– Принес.

– Ущерб возместили?

– Ущерб?

– Телефон вернули?

– Вернул.

– Тогда в суде дело могут прекратить за примирением сторон. Все в ваших руках. Это понятно?

– Понятно.

– А раз понятно: пятьсот рублей в кассу и не смею больше задерживать.

– Дмитрий Владимирович, может, вы возьметесь за мое дело.

– Дорогой мой, а за что тут братья? Ваше дело яйца выеденного не стоит. Поговорите с потерпевшим, пускай он напишет заявление. Не сможете написать – подъезжайте.

– Спасибо.

– Не за что.

На сегодня все. Записывалась еще одна женщина, но в последний момент сорвалось. Что же делать? Пятьсот рублей – не айс. Так, давайте посмотрим. (Просматриваю телефонную книжку). Артем Петрович? Был на прошлой неделе. Валентина Ильинична? Нет. Эта сама кого хочешь разведет. Ирина Петровна? А почему бы нет? Она уже недели две как ждет моего звонка.

– Ирина Петровна, добрый день. Адвокат Коньякин побеспокоил. Как самочувствие? Нормально? Если хотите, могу после работы заехать. Договорились.

Чтобы для нее такое придумать? В область мы уже писали. Может, обжаловать один из ответов в Москву? Старушкам нравятся всякие писульки со столичными штампами. А там послали тебя к черту или переслали обращение дальше по инстанциям, – не так важно. Да, пожалуй, так и поступим. Каких-то двадцать минут – и все готово.

«Уважаемый Игорь Николаевич! Памятуя о многочисленных положительных отзывах о работе Вашего ведомства...». И так далее по тексту. А в конце жалобы просьба поставить ее на личный или какой-нибудь другой контроль. Вы только представьте. И письмо-то со штампом, и на контроль-то жалоба поставлена, и начинается-то с «Уважаемая Ирина Петровна!».

Как минимум, недели на две разговоров. Да за одно это можно смело просить тысяч пять. Автобус битком.

И куда все едут в половину четвертого?

Кондуктор:

– Молодой человек, передавайте на проезд. (*Пересчитывает.*) Еще рубль. Сохраняйте билеты. На линии контроль.

Выхожу.

Может, тортик купить, а то опять прошлогодние галеты жевать придется. Да нет. Подпишу бумаги, получу гонорар – и домой.

«Так, какая квартира-то? Забыл. Нет-нет. Тридцатая».

Щелчок. Открывается дверь.

– Ирина Петровна, еще раз добрый день.

– Дмитрий Владимирович, дорогой мой, здравствуйте. Проходите, пожалуйста.

– Похолодало.

– Вы опять без шапки.

– Да я на такси.

– Все равно. А я все ждала вашего звонка.

– Ирина Петровна, лучше один раз зайти, чем десять позвонить.

– Это верно. Проходите. Может, кофе?

– Давайте сначала подпишем бумаги, а потом уже можно и кофе.

– Хорошо.

Проходим в гостиную.

– Так. Это первый экземпляр. А второй? (*Просматриваю папки*) А вот и он.

– Какая толстая.

– На четырех листах. Я решил, сначала попробуем в министерство написать, а там посмотрим.

– Как скажете, Дмитрий Владимирович. Вся надежда только на вас.

– Сделаем все возможное. И вот здесь (*указываю на графу с подписью*). Нет-нет. Ниже.

– Совсем ослепла. Ничего не вижу.

– А как же «Светоч»? Не помогает или закончился?

– Нет, есть еще баночка. Нужно будет еще заказать.

Вот бабульки! Сидят сутками у телевизора или радиоприемников и слушают всякую чушь про чудодейственные препараты. А потом тыщи по три своей копеечной пенсии спускают на эти так называемые лекарства. Странное дело: казалось бы, тебе уже под девяносто и уже давно пора нюхать корни ромашек, а ведь нет... Что ни говори, а жить хочется. К примеру, у бабки моей жены присказка: «Зимой и осенью умирать не хочу. Холодно. Летом хорошо умирать, но жарко». Про весну старушка молчит. Значит, умрет весной. Но до этого еще простудится на моих похоронах. Ненавижу ее. Уже пережила отца и тетку. Переживет мать – задушу собственными руками. Ну да ладно. Отвлечлись. Пускай все живут долго и счастливо.

– Дмитрий Владимирович, сколько я должна за работу? Большое дело делаем. В Москву пишем.

– Три тысячи.

– Хорошо. Одна, две... Вот, ровно.

– А это квитанция, Ирина Петровна. Не потеряйте.

Мастер! Как говорит мой друг: «Не снимая пиджачка и шляпы». Три пятьсот за день. Не бог весть что, но...

– А теперь кофе.

«Да хоть яду, уважаемая Ирина Петровна». На термометре настроения – жаркий полдень. Теперь можно часа полтора уделить старушке, все равно жена еще домой не пришла.

Когда Ирина Петровна приглашает испить кофе – это означает одно: впереди увлекательное, в сотый раз пересказанное повествование о молодости, старости и скорой смерти. Был бы под руками диктофон, взял – перемотал в конец, поставил на: «Вот и все, Дмитрий Владимирович. Вот такая моя жизнь. Да вы это итак уже не раз слышали. Интересно? Правда?!».

В общем, как-то так. Но раз диктофона нет... Умение выслушать – самое ценное качество в работе адвоката. Сиди и слушай. Или делай вид, что слушаешь. Она тебе про бомбежки, переправу, аресты, тиф. А ты киваешь в ответ головой и с периодичностью минут в пять чуть еле слышно поддакиваешь. При этом в голову-то лезут совершенно другие вещи.

– Кофе или чай, Дмитрий Владимирович?

– Пожалуй, кофе.

– Берите чашку.

– Я смотрю, у вас новый чайник?

– Нет-нет, что вы! Это Люба помыла.

– Соцработник?

– Да.

– Хорошо.

– Хочу ее попросить, чтобы она не два, а три раза на неделе заходила. Дел много накопилось. А у меня руки, сами знаете, какие. Ничего не могу делать.

И так часа два. О Любе, руках, соседях... Потом по третьему кругу о бомбежках. До того досидел в одной позе, что ноги затекли.

– Ирина Петровна, слушал бы вас и слушал, но время. Жена сейчас придет с работы. Нужно еще успеть ужин приготовить.

– А сколько сейчас?

– Начало седьмого.

– Ох, действительно поздновато. Заговорила я вас совсем.

– Ничего.

Даже вставать больно. Пока старушка возится у раковины – делаю круговые движения, разгоняю кровь. Кажется, все. Можно идти.

– Когда теперь зайдете?

– А как ответ из Москвы получите. Позвоните, а там посмотрим. Хорошо?

– Хорошо.

– До свиданья, Ирина Петровна.

– До встречи.

Может, еще к кому-нибудь заехать? Как говорится, аппетит приходит во время игры! Да нет. Пожалуй, на сегодня достаточно. Поеду домой. Опять буду корчить из себя униженного и оскорбленного. Может быть, жена из своих за унитаз заплатит, а я на аренду отложу.

18 февраля 2013 года

Дядя

Мой дядя самых честных правил...

А. С. Пушкин

Помню, пришел ко мне на прием мужичок лет пятидесяти. Не мужик, а именно – мужичок. Ростичком невелик. В потертых джинсах, пуховичке, на голове спортивная шапка «петушком», как у Юрия Семина⁹, за спиной – рюкзакишко. Пре-жде чем зайти, он минут пять копошился за дверью и только потом постучал. Постучал и постучал. Ничего особенного. Правда, показалось, что удары пришлись не в одну точку, а были выложены в форме трапеции. Такое впечатление, что мужичок, перед тем как войти, только ему одному известным способом перекрестил дверь. Или я до того заскучал, что во всем ищу мотивационные знаки...

– Да, – громко сказал я, отложив свежий номер «Российской газеты».

Дверь приоткрылась. Точнее, мужичок сначала резко потянул дверь на себя. Затем, поняв, что ошибся с направлением, с силой толкнул ее в другую сторону. Идиот! С моей дверью лучше так не шутить. «Старушка» набрала в грудь воздуха, петли сжались, и на этом все. Дверь замерла, чуть приоткрыв свой беззубый рот.

– Извините, но у вас что-то с дверью, – растерянно сказал мужичок и начал судорожно дергать за ручку.

– А вы нежнее с ней. Вот так. Да-да. Вот видите. Все получилось.

– Да уж. Здравствуйте.

– Добрый день. Проходите, присаживайтесь.

– Спасибо.

Мужичок на секунду замаялся. Показалось, он не мог определиться, на какой стул сесть. Если на правый – можно опереться о стенку и бросить рюкзак в ноги, на левый – разглядеть лежащие на столе газеты и журналы. В итоге любопытство ус-тупило комфорту.

– Перед тем как вы начнете, представлюсь. Адвокат Коньякин Дмитрий Владимирович. Специализируюсь на уголовных делах. Если интересует что-то конкретное, не стесняйтесь – спрашивайте.

Мужичок оживился.

– Вы случайно не бывший милиционер?

– Нет. А с чего вы взяли?

– Если из милиции, то я пойду к другому адвокату.

– Успокойтесь, я не милиционер.

– Тогда ладно.

– А чем вам милиция не угодила?

– Да сволочи они все. Взятчники и воры.

Чувствую, разговор намечается душевный.

– Как вас зовут?

– Валентин Петрович.

– Валентин Петрович, расскажите, что у вас случилось?

– Милицейский беспредел.

«Дядя, кому ты лапшу вешаешь? Сам же, небось, и виноват».

– Пожалуйста, рассказывайте. И желательно – все по порядку.

– Спасибо. Итак, в июле я поехал на рыбалку. Дома осталась племянница. Приезжаю через неделю – квартира опечатана. Что такое? Ничего понять не могу. Побежал к соседям.

⁹ Известный отечественный футбольный тренер.

Узнаю, что мы их залили, а девочка – в психушке. С управдомом попали в квартиру. Там беспорядок. Пропали ценные вещи. Побежал в милицию. Написал заявление. Через две недели получил постановление. Пишут, что шланги в ванной перерезала племянница. Она же и вещи вынесла. Понимаете, что творят, сволочи?! Племянницу упрятали в психушку, а сами обворовали квартиру.

– Продолжайте.

– Да-да. Я – в прокуратуру. Написал жалобу. Постановление отменили, материалы направили на дополнительную проверку. Через месяц милиция выносит новое постановление об отказе в возбуждении дела. Пишет, что меня и племянницу не удалось опросить, так как мы отвечать на любые вопросы отказываемся. Видите, что делают. Они же прекрасно знали, что девочка в больнице. А меня они даже не вызывали. Вот скажите, что мне делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.